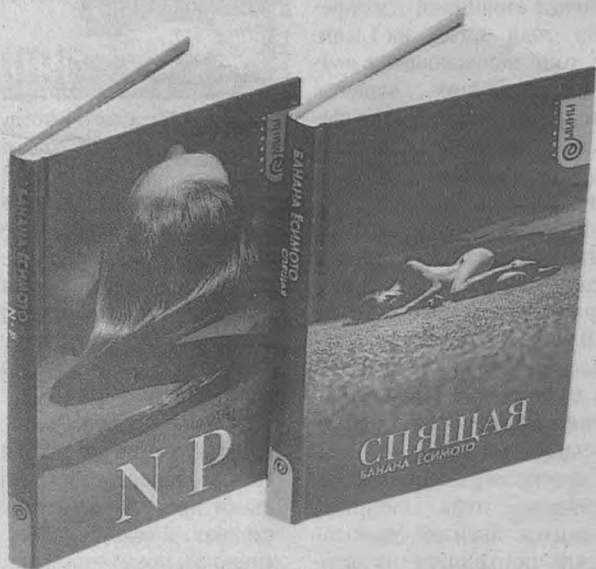

Опасности перевода

«НъР» и «Спящая» Бананы Ёсимото

задача 2005-
7410046-с 30.

Мария Терещенко

Стоит появиться в национальной литературе мегаизвестному писателю, как всех остальных литераторов страны начинают нестойчиво с ним сравнивать. Французов поголовно называют «веселыми Уэльбеками» или «нежными Уэльбеками» — эпитет может меняться; для японской же литературы волшебным словом стало «Мураками».

Чем еще, как не модой на подобно рода референции объяснить, что японскую писательницу Банану Ёсимото зачастую величают Мураками в юбке? Ведь общего крайне мало: оба японцы и оба популярны. И даже эти два пункта в биографиях Ёсимото

и Мураками реализуются по-разному. Мураками давно живет в Америке, и японец он больше по литературе, чем по жизни. Ёсимото же все свои сорок с лишним лет провела в Токио. Да и популярность Мураками значительно проще экспортируется, чем слава Ёсимото, которой почти за каждую книгу в Японии вручают литературные награды. Она получила «Кайэн» (премию для молодых писателей) за дебютную «Кухню», ее дважды удостоивали самой серьезной литературной награды — премии имени Акутагавы за романы «Утаката» (Пена) и «Санктюари» (Убежище). Ее роману «Цугуми» была присуждена премия имени Сюдзиро Ямамото, роману

«Амрита» — Литературная премия имени Мураками Сикибу.

А вот такой международной популярности, которая обрушилась на Мураками, Ёсимото вряд ли когда достигнет. Дело здесь не в качестве литературы (у Ёсимото оно, может, и повыше будет), а в том труднопереносимом для европейского уха японском акценте, который слышится в каждом высказывании писательницы. Если «Кухня» казалась обманчиво универсальной и пришлось к европейскому двору, как пришлось некогда суси, то «НъР» каждой своей страницей заставляет вспомнить, что «Восток — дело тонкое». Непередаваемая странность, не адаптируемая под чужой менталитет, вызывает устойчивое чувство дискомфорта.

Главная интрига маленького романа еще может худо-бедно привлечь неосторожного читателя. Речь о том, что японский писатель-эмигрант Сарао Такасэ написал на английском языке книгу рассказов «НъР». Книга хорошая, но вот незадача: все, кто пыгается перевести сборник на японский, кончают жизнь самоубийством, так и не завершив работы. Такая судьба постигает и бойфренда главной героини. Поначалу кажется, что сюжет будет развиваться по лекалу детективного или готического романа: рассказчица и главная героиня Кадзэми знакомятся с детьми покойного писате-

ля, обнаруживает страшные семейные тайны и, кажется, вот-вот наткнется на разгадку странной судьбы переводчиков. Но ни имени убийцы, ни даже мистической овцы не появляется. Остается довольствоваться тонким восточным объяснением происходящего: видимо, японский язык таким невыносимым образом сочетается с английским, что переводчиков Такасэ перестает привлекать жизнь.

Так что вместо заявленного детектива приходится осваивать японскую мистическо-психологическую прозу, которая, если уж настаивать на параллелях, более всего похожа на тексты Ф.М. Достоевского. Нескончаемая истерика, сопутствующая инцестуальным связям героев, непредсказуемость и необъяснимость их поступков и эмоций, роковые женщины, эгоистичные отцы, брошенные дети, потерявшие от горя дар речи, и непрекращающиеся разговоры о смерти, чья широко разверстая пасть в любую секунду готова поглотить всех персонажей этого хрупкого мира. Однако не Достоевский. Страшные признания героев не по-русски лаконичны, речь рассказчицы прерывиста и пестрит утонченными и экзотичными метафорами, а сквозь нервический экстерьер проглядывает преисполненный чисто буддистского спокойствия лик автора, бесстрастно наблюдающего за изменчивой майей.

Любопытно, что эта восточная невозмутимость, зачастую принимаемая иноземцами за жестокость или беспринципность, отнюдь не так заметна в «Кухне». И даже в рассказах из сборника «Спящая», написанных всего за год до «НъР», Ёсимото еще предстает нежной и романтичной японской барышней, рассказывающей печальные любовные истории. Их-то как раз европеец может поглощать десятками, не боясь несварения и наслаждаясь пикантным привкусом азиатского мышления. Вот две соперницы, живущие с одним мужчиной и в итоге почти влюбляющиеся друг в друга — так, что одна из них после смерти регулярно навещает другую. А вот девушка, которая начала встречаться с мужчиной, чья жена находится в коме, и с этого момента спит сутки напролет. В общем, никакой шокирующей Азии, а сплошное легкое чтение.

Однако, судя по комплекту премий, Ёсимото не пошла этим легким путем. «НъР» был написан 15 лет назад, серьезное литературное признание Ёсимото получила уже после этого романа. Но о том, как развивалось ее дарование, русский читатель сегодня может только гадать, ожидая перевода последующих книг. Остается надеяться, что сочетание русского языка с японским не столь опасно, как столкновение японского с английским.